

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Луи Монтроз «Новый историзм»

Цель: ознакомиться с эссе Луи Монтроза «Новый историзм».

Ключевые слова: новый историзм, марксизм, феминизм, чтение, текст, внетекстовый, история, доминирование.

Мы продолжаем знакомиться с антологией американских ученых Джулии Ривкин и Майкла Райана «Теория литературы», и сегодня речь пойдет об эссе Луи Монтроза «Новый историзм».

Эссе «Новый историзм» стало своего ответом Луи Монтроза на полемику о постструктурализме, а также дальнейшим обоснованием некоторых его предположений о «новом историзме» и его месте в ряду гуманитарных исследований. Постструктурализм (особенно «деконструкция»), отмечают Д. Ривкин и М. Райан, сосредоточен на литературных текстах без какого-либо учета их истории. И деконструкция особенно, как казалось, отрицала возможность любой ссылки в тексте на внетекстовый мир. Однако «новые историки» (особенно Стивен Гринблатт и Кэтрин Галлахер) вновь подтвердили важность истории для литературоведения. «Новые историки» намеренно обозначили себя как «новые», потому что они избегали традиционной опоры на факты историографии и сосредоточились на исследовании взаимодействия текста и контекста.

К постановке проблемы

В 1980-х годах литературоведение в американской академической среде стало уделять центральное внимание историческим, социальным и политическим условиям и последствиям литературного производства и интерпретации. Из множества иногда сходящихся, а иногда и несовместимых точек зрения на написание и чтение текстов, а также на процессы, с помощью которых они распространяются и классифицируются, анализируются и преподаются, в настоящее время в литературоведении выбираются те интерпретации, в которых тексты рассматриваются как исторически определенные и определяющие способы культурной работы. В различных сочетаниях и с разной степенью согласованности и эффективности эти интеллектуальные силы идентифицируются как «новый историзм» или новая культурная поэтика, культурный материализм.

В течение последнего десятилетия в разных формах, с различной степенью последовательности и эффективности интеллектуальные силы, идентифицируемые, как новый историзм или новая культурная поэтика, культурный материализм, феминизм и ревизионистские формы марксизма, занимались пересмотром границ и реструктуризацией содержания английского и американского литературоведения. Основная задача, которую ставит Л. Монтроз в своем эссе, – это обсудить «новый историзм». Он помещает этот термин в кавычки, чтобы указать на свое несогласие с его традиционной интерпретацией в критическом дискурсе как фиксированной и однородной совокупности доктрин и методов. Таким образом, считает Монтроз, «новый историзм» является изобретением его критиков и комментаторов. Кроме того, в эссе Монтроз обсуждает некоторые разнородные и изменяющиеся интерпретации исследований, часто обозначаемых как «новый историзм».

Критические силы, если их упрощенно назвать их «новым историзмом» или культурной поэтикой, культурным материализмом, а также феминизмом и марксизмом, имеют общую цель – утвердить и проблематизировать связь между литературными и другими дискурсами, диалектикой текста и мира. В последние годы эти теории с большим успехом бросили вызов доминирующим парадигмам критического риторического анализа и позитивистской исторической науке в англо-американской литературной критике.

Благоприятные условия для этого вызова были различными по своему происхождению и сложными по своему взаимодействию. Монтроз выделяет лишь три фактора, которые имеют большое значение. Во-первых, все время происходит появление ученых, чье гендерное, этническое, религиозное или классовое происхождение, политические пристрастия или сексуальные предпочтения затрудняют их участие в культурных и идеологических традициях, закрепленных в канонических работах, которые они изучают и преподают.

Опыт отчуждения или инаковости может, конечно, спровоцировать компенсаторное принятие доминирующей культуры, стремление к ее принятию и ассимиляции; но они также могут провоцировать настроения сопротивления или оспаривания.

Во-вторых, переориентация в этой области, происходящая, по крайней мере, с начала 1980-х годов, в значительной степени является работой критиков, ценности которых формировались в то время, когда они были студентами в период культурно-экспериментальных и политически бурных 1960-х годов. Расцвет женского движения и феминизма в 70-ые годы, когда большинство из них стремилось создать свои организации, оказал глубокое социальное, институциональное и интеллектуальное воздействие на это поколение критиков. В целом, эти критики отреагировали на радикально измененный социально-политический климат 1980-х годов и, возможно, некоторые из них достигли успеха в рамках своей академической карьеры благодаря работам, которые противостояли идеологиям и культурной политике других исторических периодов и стран, но сопротивлялись формулированию своих собственных теорий. В-третьих, разные методологии критики по-разному реагировали и по-разному способствовали интеллектуальному брожению последних двух десятилетий.

Такое брожение, обобщенное в теории литературы, бросило вызов предположениям и процедурам нормативных дискурсов в нескольких академических дисциплинах. И в литературоведении это пошатнуло, если не подорвало, эстетические, моральные и онтологические принципы, предписывающие определенные идеологические диспозиции традиционному литературоведению. Теоретическое поле постструктурализма характеризуется множественностью неустойчивых, по-разному соединенных и противоречивых дискурсов. Некоторые из них придерживаются принципа апроблемизации процессов, посредством которых производятся и обосновываются смысл и ценность художественных произведений.

В Соединенных Штатах феминизм и женское движение в последние годы обеспечили самые мощные вливания интеллектуальной и социальной энергии в практику культурной критики, как письменной, так и устной, «живой». В течение последнего десятилетия феминистский анализ дискурсов усилился в культурной и исторической сфере. Такой подход позволил изучить способы маргинализации, подавления или присвоения голоса женщин в различных литературных и драматических произведениях, и в комментариях к этим произведениям; и это стимулировало восстановление маргинализированных или игнорируемых текстов, написанных женщинами. Эти проекты бросили вызов либеральным гуманистическим утверждениям о том, что литературные и критические каноны воплощают существенный и всеобъемлющий спектр человеческого опыта и его выражения. Стремясь открыто и коллективно соединить сферы критической практики, академической политики и социально-политической деятельности, ученые-феминистки демистифицировали утверждения о том, что ученость и академия стоят отдельно или выше интересов, предубеждений и борьбы за материальное существование; они также послужили моделью для взаимного выражения интеллектуальных, профессиональных и социальных интересов.

«Новый историзм» и идеология

Недавнее возрождение интереса к историческим, социальным и политическим вопросам в литературоведении и культурологии также, несомненно, является ответом на ускорение забвения истории, которое характеризует все более технократическую и коммерциализированную американскую академическую среду и общество в целом.

Основная задача для тех, кто преподает гуманитарные науки, должна заключаться в том, чтобы развеять у студентов представление о том, что история – это то, что закончено и сделано; довести до их осознания тот факт, что они сами живут в истории, и что форма и влияние исторического процесса проявляются в их субъективных мыслях и действиях.

Основная формирующаяся социально-политико-историческая направленность в современном литературоведении характеризуется антирефлексивным взглядом на культурное творчество, смещением акцента с эстетического анализа речевых артефактов на идеологический анализ дискурсивных практик.

Положения и методы деконструкции используются в качестве мощных инструментов идеологического анализа, когда они опираются на переопределенные и иерархически структурированные бинарные оппозиции, которые составляют центральную традицию западной мысли. Сам Деррида предположил, что «Деконструктивные толкования и письмо касаются не только дискурсов с концептуальным и смысловым содержанием. Деконструктивная практика – это также и, прежде всего, политическая и институциональная практика». Пресловутый афоризм – «Нет ничего вне текста» – может быть использован для того, чтобы спровоцировать бегство от необходимости заниматься историей и санкционировать самоотречение от неопределенных удовольствий и/или ужасов текста. Однако эта фраза также может быть истолкована с точки зрения утверждения Ф. Джеймисона о том, что «история недоступна нам иначе, кроме как в форме текста».

То есть это может означать всепроникающую идеологическую силу дискурса в целом и, в частности, специфическую идеологическую силу тех дискурсов, которые стремятся свести свою работу к простому отражению онтологически предшествующей, существенной или эмпирической реальности.

Представления мира в письменном дискурсе участвуют в построении мира: они участвуют в формировании возможностей социальной реальности и в приспособлении своих авторов, исполнителей, читателей и др. аудиторий к множественным и меняющимся предметным позициям в мире. В этом смысле наша профессиональная практика, как и предмет нашей работы, утверждает Монтроз, являются производством идеологии. Под этим Монтроз подразумевает, что практика несет следы ценностей, убеждений и опыта ученого (или преподавателя) – его или ее социально сконструированной субъективности, а также, что он(а) активно создает эти ценности, убеждения и опыт.

Поле «нового историзма»

В эссе, опубликованном в 1986 году, Монтрозом была предпринята попытка тщательно изучить и кратко сформулировать некоторые теоретические, методологические и политические представления и результаты исследований специалистов по Ренессансу, которые затем стали называться «новыми историками». Его интересовала сосредоточенность этих исследований на преобразовании социокультурного поля, в рамках которого первоначально были произведены ныне канонические литературные и драматические произведения Возрождения, с целью определить их место не только по отношению к произведениям других жанров и видов, выходя за рамки литературного канона, но и по отношению к другим областям культуры.

Доминирующим способом интерпретации в английском литературоведении долгое время было сочетание методов формального и риторического анализа с разработкой относительно автономных историй «идей» или литературных жанров, абстрагированных от их социальных матриц.

Другая историческая практика – устаревшая наука, которая, рассматривая тексты как сложные шифры, стремится зафиксировать смысл образов вымышленных персонажей и их действий в отношении к конкретным историческим личностям и событиям.

Интерпретация и «новый историзм»

В своем вступлении к сборнику эссе 1982 года Стивен Дж. Гринблатт вывел «новый историзм» как из более старой, рефлексивной и позитивистской истории литературы, так и из нового литературного формализма. Он отметил, что контуры искусства и литературы социально и исторически сформированы: различия «между художественным производством и другими видами общественного производства ... не присущи текстам; скорее они составлены и постоянно перекраиваются писателями, читательской аудиторией и исследователями».

Эта концепция и подразумевает литературных критиков в исторически и институционально расположенных ролях привилегированных читателей, чьи специализированные, хотя и вряд ли бескорыстные, знания составляют картину прошлого, которое они обязуются разъяснить. С этой точки зрения, новый историзм, или культурная поэтика, должен позиционироваться в рамках собственного читательского истолкования.

Сдерживание и подрывная деятельность

Термины, в которых проблема идеологии и сопротивления была поставлена в новых историко-исторических исследованиях Ренессанса и которые в настоящее время получили широкое распространение в других областях специализации, – это термины упрощенного, редуцированного и гипостазированного противостояния между «сдерживанием» и «подрывной деятельностью». Эти термины, которые, как представляется, являются остатками идеологии «холодной войны», вновь оказываются как инструменты анализа и обсуждения. Тем не менее, они являются и значимыми индикаторами смещения перспективы развития в англо-американской литературной критике и ее политической культуре.

Поскольку проблема идеологии стала приемлемой и даже центральной темой критического дискурса в американской академической науке, акценты в социокультурном анализе сместились в ней с единства, взаимности и согласия позиций к различиям, доминированию и сопротивлению. Именно этот сдвиг акцента от каноничности и консенсуса к разнообразию и оспариванию в течение последнего десятилетия был в центре национальных дебатов о направлении гуманитарных наук, дебатов, которые велись в кампусах и бестселлерах, в государственных средствах массовой информации и политических заявлениях, а также находили отражение в приоритетах финансирования правительственных учреждений.

В контексте дискуссии сдерживания/подрывной деятельности, позиция Монтроза была неизменной: монолитные и однородные понятия идеологии должны быть заменены на неоднородные и нестабильные, проницаемые и процессуальные.

Динамичная, агонистическая и временная модель культуры и идеологии – это непрерывное соперничество между доминирующими и подчиненными позициями, непрерывное взаимодействие преемственности и инноваций, идентичности и различия – такую перспективу открывает «поэтика культуры» для изучения истории.

«Новый историзм» и другие критические подходы

В отличие от теоретиков феминизма и марксизма в Соединенных Штатах и их коллег «культурных материалистов» в Великобритании, американские ученые, осуществляющие в последние десятилетия «новоисторические» исследования Ренессанса, как правило, изначально иницируют культурную политику в своей практике, сразу актуализируя властные отношения и ограничивая (сдерживая) их английским прошлым. В Великобритании, где классовые барьеры остаются более четко сформулированными, чем в Соединенных Штатах, а радикальная политика пользуется более сильными традициями, и принудительное давление государства на централизованные учебные заведения и практику в течение некоторого времени было более прямым и интенсивным, предметом анализа среди критиков «культурного материализма» стал вопрос о том, как современная история использует свою версию национального прошлого. Эти ученые были обеспокоены процессами, с помощью которых канон английских авторов и работ, включенных в английскую культуру и в британскую систему образования, позволил сформировать идеологию доминирующего социального класса и увековечить его гегемонию.

Большая часть наиболее интересной работы в настоящее время производится в рамках «нового историзма» молодыми учеными, чье обучение в аспирантуре наделило их постструктуралистской чувствительностью как к нестабильности, так и к средствам репрезентации явлений культуры. В своих диссертациях и публикациях эти молодые ученые синтезируют

элементы теоретических дискурсов феминизма, марксизма, постколониализма и др. Некоторые из этих работ демонстрируют, что откровенно ново-исторические перспективы совместимы с проектами культурно-политического анализа и критики.

Постструктуралистскую ориентацию на историю, возникающую в настоящее время в литературоведении, Монтроз характеризует взаимосвязью историчности текстов и текстуальности историй. Под историчностью текстов он имеет в виду историческую специфику, социальное и материальное отражение истории во всех видах письма, включая не только тексты, которые изучают литературные критики, но и тексты, по которым мы изучаем их работу; таким образом, он также имеет в виду историческое, социальное и материальное погружение в историю всех видов чтения.

Монтроз отмечает, что мы не имеем доступа к полному и достоверному прошлому, а только к тому материальному существованию, которое оставляет текстуальные следы; выживание этих следов в конкурентной борьбе исторических интерпретаций является следствием тонких процессов избирательного сохранения материальной культуры и процессов ее намеренного стирания, подобных тому, как подбирают традиционный учебный материал по гуманитарным наукам. Во-вторых, эти сохранившиеся в истории следы материальной и идеологической борьбы сами по себе становятся предметом последующих ссылок, когда они трактуются как «документы», на которых те, кто преподает гуманитарные науки, основывают свои собственные описательные и интерпретационные тексты.

Пришло время, считает Монтроз, пересмотреть отношения между вербальным и социальным, между текстом и миром, а также отказаться от некоторых до сих пор бытующих, альтернативных идеалистических, эмпирических и материалистических представлений о литературе как о самостоятельном эстетическом, нравственном или интеллектуальном явлении, которое выходит за рамки меняющихся и конфликтующих материальных потребностей и интересов; отказаться от представлений о литературе как о совокупности дискурсивных инертных записей о «реальных событиях».

Письмо и чтение – это всегда исторически и социально значимые события, совершаемые в мире и над миром идеологически ангажированными индивидуальными и коллективными человеческими субъектами. В любой значимой ситуации теоретическая неопределенность проекта новой социо-исторической критики в литературоведении заключается в анализе взаимодействия культурологических дискурсивных практик, в том числе тех, с помощью которых формируются и реформируются культурные каноны.

С начала 1980-х годов некоторые сектора американского политического истеблишмента, масс-медиа, неоконсервативной интеллигенции подвергли критике явления, которые они представляли себе как деградацию литературы и гуманитарных наук в рамках академических исследований. В процессе их критики и нападок обнажились их собственные цели и стремление к надзору за образованием и искусством. Были сохранены учебные программы, отражающие доминирующую культуру, и поддержаны учебные программы, которые подчеркивали предполагаемую стабильность, сплоченность и инклюзивность американских ценностей и убеждений. Наряду с этим предпринимались попытки дискредитировать культурный анализ, который подчеркивает альтернативные и оппозиционные перспективы в истории, политике, классе, расе и поле.

Любые иные ответы и трактовки, отличные от традиционно принятых, могут спровоцировать враждебную реакцию академического сообщества к литературной теории, учебной программе, и это подтверждает, что академическая среда воспринимается в качестве площадки для оспаривания так же, как и для воспроизводства идеологических доминант. На кону нечто важное – проблемы выбора нашего чтения, обучения и пересмотра литературного канона. Политика академической среды выходит за рамки того, что не случайно называют «академической политикой»: изучение и преподавание поэтики культуры переплетаются с более широкой культурной политикой, которая не имеет бескорыстных партий и объективных позиций.

Вопросы для закрепления темы:

1. Определите место ново-исторической критики в ряду других критических подходов.
2. В чем, на взгляд Л. Монтроза, узость деконструктивистского подхода к анализу текста?
3. Чем объясняется критика со стороны американских академических кругов в адрес «нового историзма»?

Литература:

1. Montrose Louis. New Historicisms// Redrawing the Boundaries. – Modern Language Association, 1992. – P. 392-418.
2. Anderson Perry. In the Tracks of Historical Materialism. – Chicago: University